

ВОЕННАЯ МЕТАФОРА В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА МЕДИЦИНЫ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

И. С. Мыльникова

Российский национальный исследовательский медицинский университет
имени Н. И. Пирогова, Москва, Россия
expert.med@mail.ru

Традиционно медицина считалась территорией милосердия, куда больной обращался не только за лечением, но и за моральной поддержкой и состраданием. Однако последнее время пациенты и общество в целом все чаще сталкиваются с тем, что медицинские работники не отвечают на этот запрос – медицинская помощь превращается в услугу, и пациенты все реже находят успокоение, утешение в словах врача. Нередко будущие врачи теряют способность откликаться на чужую боль, сопереживать уже на стадии обучения, пропитываясь специфической атмосферой медицинского мира, приобщаясь к его культуре. Одним из элементов этой культуры является язык, на котором говорят и пишут сами врачи, а также непрофессионалы, если они касаются вопросов медицины. В свою очередь, важным элементом любого языка являются его метафоры. Проведя анализ использования метафор в медицинском дискурсе, можно составить представление о языковом мире медицины, а по нему и о медицинском мире в целом. Весьма показательным, что одной из наиболее часто встречающихся метафор в медицинском дискурсе является военная метафора. При этом, как и всякая метафора, она не только отражает, но и формирует в сознании людей картину мира, выполняя при этом как положительную, так и отрицательную роль. Ее отрицательное влияние на общую атмосферу мира медицины к настоящему моменту признано столь существенным, что все чаще высказывается мнение о необходимости отказаться от ее использования в медицинском дискурсе, заменив метафорами сотрудничества и гармонии. В их ряду среди первых называют метафору пути, которая в настоящее время довольно органично входит в медицинский дискурс и позволяет больному осмыслить долгую жизнь с неизлечимой болезнью, а врачу найти свою роль старшего попутчика, инструктора, гида в этом путешествии, общение с которым может обладать терапевтическим эффектом.

Ключевые слова: медицинский дискурс, военная метафора, метафорическое насилие, метафора пути.

MILITARY METAPHOR IN THE LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD OF MEDICINE: YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

Irina S. Mylnikova

Pirogov Russian National Research Medical University,
Moscow, Russian Federation
expert.med@mail.ru

Traditionally, medicine was considered to be a territory of mercy, which the patient turned to not only for treatment, but also for moral support and compassion. Recently, however, patients and society as a whole have been increasingly confronted with the fact that medical professionals do not respond to this request: medical care has become a service, and patients are less and less likely to find comfort and consolation in the words of a doctor. Future doctors often lose the ability to respond to other people's pain and to empathize at the stage of training when they absorb the specific atmosphere of the medical world, join its culture. One element of this culture is the language that doctors, as well as lay-people if they are concerned with medical issues, speak and write. An important element of any language is its metaphors. By analyzing the use of metaphors in medical discourse, one can get an idea of the linguistic world of medicine, and of the medical world as a whole. It is quite revealing that one of the most common metaphors in medical discourse is the military metaphor. Like any metaphor, it not only reflects, but also forms a picture of the world in people's minds, playing both positive and negative roles. Its negative impact on the general atmosphere of the medical world has been recognized to be so significant that there is an increasing tendency to suggest that its use in medical discourse should be abandoned, and it should be replaced by metaphors of cooperation and harmony. The first among them is the metaphor of a journey, which nowadays enters quite organically into medical discourse. This metaphor allows the patient to comprehend their long life with an incurable disease, and the doctor to find their role of an older fellow traveler, instructor, guide in this journey; communication of the former with the latter may have a therapeutic effect. By analyzing the use of the military metaphor in medical discourse in a temporal context, we can conclude that "yesterday" it allowed us to create a more or less adequate picture of the medical world in the minds of people, "today", not keeping pace with the changes occurring in this sphere, it begins to introduce distortion, from which both patients and medical staff, as well as society as a whole, suffer; therefore, "tomorrow" its use in medical discourse will most likely decrease, giving way to metaphors of peace, unity and harmony.

Keywords: medical discourse, military metaphor, metaphorical violence, metaphor of journey.

DOI 10.23951/2312-7899-2021-3-153-175

В настоящее время в медицинской литературе заметен повышенный интерес к изучению использования метафор в медицинском дискурсе. Так, в процессе поиска по ключевым словам «metaphor» и «military metaphors» в электронной базе PubMed они были встречены почти 6,5 тысяч раз, причем в последние годы наблюдается экспоненциальный рост их употребления. Можно предположить, что одной из причин наблюдаемого интереса к изучению метафор в медицинском дискурсе является общее недовольство состоянием медицины (причем не технологической ее стороной, а гуманитарной), которая все больше утрачивает способность проявлять милосердие, все больше утрачивает способность успокоить, поддержать, утешить.

Надо сказать, что интерес к метафоре вообще возник еще у философов Древней Греции и далее сохранялся, то угасая, то усиливаясь. Начиная с XX века, он переживает свой очередной подъем. Статья «Две главные метафоры», которую Ортега-и-Гассет написал в 1923–1924 гг. к 200-летию И. Канта, содержит утверждение: «...все огромное здание Вселенной, преисполненное жизни, покоится¹ на крохотном и воздушном тельце метафоры» [Ортега-и-Гассет 1990, 77]. В настоящее время этот интерес проявляется в самых разных сферах исследования – в лингвистике, когнитивистике, культурологии, философии [Борисов и др. 2019; Горбулёва и др. 2020; Донских 2015; Князева 2014; Тищенко, Юдин 2015 и др.], где отмечается ее исключительная роль в жизни человека. Метафора способна создать в сознании людей представления, от которых «зависит наша концепция мира, а она в свою очередь предопределяет нашу мораль, нашу политику, наше искусство» [Ортега-и-Гассет 1990, 77]. Метафора, используя аналогию, когда знакомые свойства одной, уже хорошо известной сущности переносятся на другую, мало известную, помогает назвать то, что не имеет имени в повседневном предметном мире человека. Таким образом, она отражает мир, как он есть, и, отразив, закрепляется в языке, став частью языковой картины мира. После этого человек уже не может думать о мире без этой метафоры, и получается, что она начинает навязывать ему представления об окружающей действительности в соответствии со смыслами, которые она несет в себе. Человек видит мир через ее призму, которая, как всякая призма, может вносить искажения – что-то несоразмерно усиливает, а что-то затеняет. И потому изучение используемых в том или ином дискурсе метафор может помочь

¹ покоится в нашем сознании – уточнение И. Мыльниковой.

составить представление о языковой картине мира в сознании тех, кто в нем участвует, и судить об искажениях, которые эти метафоры создают, а также о последствиях этих искажений. Медицинский дискурс в этом отношении не исключение – изучая метафоры, используемые в нем, мы можем составить представление об искажениях, которые они вносят в сознание всех, кто имеет отношение к медицине и здравоохранению, и их последствиях.

Роль метафор в медицинском дискурсе. Медицинский текст трудно представить без метафор. Тому сегодняшней пример: страна воюет с COVID-19; вакцинация способна стать оружием против COVID-19 и т. п. Согласно современным представлениям, метафора позволяет решить три задачи.

1. *Лингвистическая задача.* При общении врача и пациента она помогает пациенту выразить себя, описать не испытываемые ранее ощущения («сердечная тоска», «ноги онемели», «пустая голова»), донести до врача, что его беспокоит («я сам не свой»). При этом врач должен «прочитать» эти метафоры, расшифровать их смысл, а иногда, анализируя особенности их выбора, и определить психическое состояние больного.

2. *Когнитивная задача.* Врач, общаясь с пациентом, применяет метафоры, чтобы донести до него медицинское знание на доступном ему языке, используя аналогию с хорошо ему известными явлениями, объяснить смысл происходящего с ним, например, «тромб – это пробка, которая закупорила ваш сосуд». Узнав, что тромб – это пробка в сосуде, пациент легко поймет врача, который будет ему рассказывать об эндоваскулярной операции удаления тромба в терминах сантехнических работ по удалению засора в канализационной трубе. Создавая яркий образ, метафора при этом не содержит окончательной конкретики и может немного «смазать смыслы», то есть позволяет не быть категоричным в неоднозначных ситуациях, которые не так уж редки при взаимодействии врача и пациента, давая каждому из них простор для воображения.

3. *Коммуникативная задача.* И врач, и пациент с помощью метафор могут воздействовать друг на друга, вызывая определенные чувства и мотивируя на определенные действия. Так, врач с помощью удачного сравнения может вселить надежду, снять тревогу, в целом, оказать терапевтическое воздействие словом (терапевтическое общение). Также он может повысить у больного приверженность здоровьесберегающему образу жизни или назначенному лечению. Напротив, неудачный метафорический образ может вызвать у больного страх, неуверенность, отчаяние.

Одной из наиболее употребляемых в медицинском дискурсе является военная метафора. Как мы покажем ниже, в течение столетий и даже тысячелетий она отражала представления людей о болезни и ее лечении, о взаимоотношениях врача и пациента, помогала осмыслить эти явления, оказывала влияние на мир медицины, формируя его культуру, насыщала своими образами и смыслами его «воздух», которым дышат все, кто в этот мир попадал.

Военная метафора в медицинском дискурсе. Военную метафору, отражающую острое противостояние сторон, относят к группе архетипичных. Понятие «архетипичные метафоры» было предложено М. Осборном [Osborn 1967] для выделения метафор, содержащих устоявшиеся смыслы и образы, общие для разных культур и неизменно повторяемые из поколения в поколение. Такая всеобщность архетипичных метафор объясняется тем, что в них укоренен непосредственный человеческий опыт, они несут в себе идею базовых, неизменных видов этого опыта: свет – тьма, верх – низ, явь – сон, путешествие, мореплавание, возделывание сада, танец, война. Понятийная сфера каждой из этих метафор весьма обширна, разработана в деталях и порождает десятки связанных образов. Так, обращение к образу войны порождает связанные с ней образы битвы, наступления, поражения, оружия, ранения и т. п., которые образуют группу военных метафор.

Метафоры войны, выражающие противостояние сторон, исключительно соответствуют картине мира человека западной культуры, согласно которой мир дуален, соткан из противоположностей (добро – зло, отрицательное – положительное, свет – тьма, мужчина – женщина), а методом его познания является формальная логика, в которой суждение *A* не может существовать одновременно с суждением не-*A*.

Авторы классической книги «Метафоры, которыми мы живем», чтобы дать читателю представление о том, как военная метафора связана с нашей повседневной деятельностью, рассмотрели ее использование применительно к понятию «спор» [Лакофф, Джонсон 2004]. По их утверждению, термины войны почти идеально подходят для разговора о споре. В обыденном языке, если речь идет о споре, чаще других используется именно военная метафора. В самом деле, западный человек убежден, что, если в споре сталкиваются два суждения «*A*» и «не-*A*», должна победить только одна сторона, другая должна проиграть. То есть спор предполагает четкое разделение спорящих на две противоборствующие стороны. Как на войне. И потому мы говорим: «Он не умеет побеждать в споре», «Ее

доводы были легко разбиты оппонентом», «Я без труда разобью ваши аргументы», «Это был непримиримый спор» и др.

Помимо дискурса о спорах военная метафора широко применяется и в других сферах человеческой деятельности, где усматривается разделение на части, предполагающее наличие двух противоположных сторон (дихотомии), – от политики и спорта («партийная борьба», «спортивная битва») до морали (противостояние добра и зла). Даже внутренний мир и религиозный опыт осмысливаются человеком с помощью понятийного аппарата военной сферы – военной метафоры («борьба с самим собой», «Здесь диавол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей») [Кондратьева 2011, 54].

Военная метафора позволяет подчеркнуть крайнюю форму противостояния, остроту ситуации, ее серьезность и опасность, конфликтный путь решения проблем, создает напряженность, но одновременно и мобилизует, побуждает к активным действиям. Важной особенностью военной метафоры является то, что она способна консолидировать усилия и обосновать необходимость жертвы ради общей цели. Однако будучи метафорой силы, военная метафора может внести искажения, когда избыточное противостояние нарушает гармонию, равновесие, согласие.

Так, по наблюдениям Дж. Лакоффа и М. Джонсон, военные метафоры, став частью языковой картины мира, касающейся споров, стали вносить искажения в представления о них и практику их ведения. Они заметили, что мы теперь не просто говорим о споре в терминах войны, но начинаем воспринимать спор как одну из форм военных действий, как словесную битву и потому считаем оппонента своим противником, атакуем его позиции, выстраиваем оборону, отступаем, побеждаем или проигрываем спор. Мы видим, как знание о войне – в данном случае «сфере-источнике» метафоры [Лакофф, Джонсон 2004, 9] – в некоторой степени определяет способ осмысления спора, являющегося «сферой-целью» [Лакофф, Джонсон 2004, 9], и может служить основой для принятия решений и действия. При этом нельзя не заметить, что сравнение спора с ведением боевых действий затемняет другие аспекты этого понятия, не совместимые с выбранной метафорой. В пылу спора мы часто забываем о возможности взаимопонимания и сотрудничества, не даем себе шансов прийти к согласию, договориться. Аналогичная ситуация возникает при использовании военной метафоры в медицинском дискурсе.

История военной метафоры в медицинском дискурсе. Известная нам история военной метафоры в медицинском дискурсе

насчитывает тысячелетия. Самой древней военной метафорой, которую нам удалось найти, оказался китайский иероглиф, одновременно обозначающий слова «медицина», «врач», «лечение»². Ему около 4000 лет, и он состоит из 3 частей. Одна из них изображает стрелу, указывая на наиболее частую причину, когда человек нуждается в помощи, – рану стрелой, другая – крючок, с помощью которого целитель извлекал стрелу из раны, а третья, которая появилась гораздо позже, – флакон с алкоголем, который применялся при оказании помощи раненому как дезинфицирующее и обезболивающее средство.

Согласно [Nie et al. 2016, 5], историю военных метафор в западном медицинском дискурсе ведут с XVII века, от сочинений Джона Донна (1572–1631). В его сочинении «Обращения к Господу в час нужды и бедствий» есть, к примеру, фраза, которая содержит готовый набор ярких военных метафор, широко используемых и в наше время: «...наше здоровье – плод долгих и регулярных усилий; но – мгновение ока – и пушечный залп все обращает в руины, разрушает и сравнивает с землей; болезнь неизбежна, несмотря на все наше тщание, нашу подозрительность и пытливость; более того, она не заслужена, и если мы помыслим ее как приход врага, то она разом шлет нам ультиматум, покоряет нас, берет в полон и разрушает до основания»³.

Дальнейшее широкое распространение военной метафоры в медицине связывают с открытием бактерий и развитием эпидемиологии. Так, Луи Пастер использовал военные метафоры в отношении инфекционных болезней, сделав их достоянием широкой медицинской практики, что впоследствии позволило даже говорить о «биомилитаризме» Пастера [Bleakley et al. 2014]. Постепенно медицина, где преобладали инфекционные болезни, стала мыслиться как война с возбудителями этих болезней, которые требуют полного и окончательного уничтожения. Военная метафора была взята на вооружение нарождавшейся в тот период системой общественного здравоохранения с его массовыми мероприятиями (карантинами, санитарным просвещением населения, вакцинацией, всеобщими осмотрами и т. п.), существование которого до сих пор трудно представить себе без образов военных действий. В XX веке опыт двух мировых войн актуализировал и расширил военный понятийный аппарат медицины. Народы-победители привнесли в медицинский дискурс такие метафоры, как «решимость», «мужество»

² <https://www.epochtimes.ru/content/view/69702/34/>

³ https://mir-knig.com/read_263611-2, перевод А. Нестерова.

и «настойчивость» (в борьбе с болезнью требуются мужество и решимость), «победоносное шествие» (об успехах здравоохранения в масштабах страны и мира) и т. п. [Bleakley et al. 2014; Lerner 2001].

К середине XX века ситуация в здравоохранении развитых стран резко изменилась. Их население практически перестало умирать от дизентерии, дифтерии, кори, острой пневмонии, обычных травм. Все эти болезни и состояния, как не трудно заметить, были вызваны внешними причинами, и борьба с ними в самом деле могла трактоваться как военные действия. Широкое распространение вакцинопрофилактики, открытие антибиотиков, достижения анестезиологии и хирургии позволили в основном решить проблему смертности от этих болезней и травм, и теперь ее называют «предотвратимой смертностью». Продолжительность жизни увеличилась, но человечество, победив внешних врагов, обнаружило новых – хронические заболевания с длительным течением (сахарный диабет, сосудистые заболевания, рак), а также медленно прогрессирующие инфекции – СПИД, хронический гепатит В и С. Позже, когда удалось более или менее справиться с инфарктами и инсультами и продолжительность жизни увеличилась до 80 и более лет, к ним присоединились дегенеративные заболевания мозга – болезнь Паркинсона, болезнь Альцгеймера, деменция.

Новую ситуацию следовало осмыслить, и по привычке, а также за ограниченностью другого метафорического аппарата эти болезни тоже были отражены, прочувствованы и отрафлексированы с помощью военных метафор. Теперь человечество борется с раком, побеждает вирусные гепатиты и продолжает войну со СПИДом, наконец, начинает войну с деменцией [Bleakley et al. 2014; Bleakley 2017; Nie et al. 2016; Lane 2013]. В своей статье о метафорах в современной медицине [Fuks 2009] приводит для примера названия трех книг о раке, которые демонстрируют, что военная метафора не просто присутствует, но доминирует в медицинском дискурсе нового времени: Роберт Н. Проктор «Войны против рака: как политика формирует то, что мы знаем и чего не знаем о раке», Карен Стабинер «Танцуй с дьяволом: новая война против рака груди» и Роберт Олтман «Просыпаясь, отбиваясь: политика рака груди». Даже питаться – продолжает А. Fuks в своей статье – нужно не для того, чтобы насытиться или получить удовольствие, а чтобы укрепить обороноспособность организма в рамках подготовки к битве против инфекций и предотвращения сердечных приступов [Fuks 2009, 56].

Новым медицинским направлением, в рамках которого последние десятилетия широко используется военная метафора, стала ле-

карственная терапия и фармацевтика. Приведем в качестве примера несколько рекламных слоганов: «Чтобы сокрушить боль, нанесите ответный удар! «Х» – мощное оружие, бьющее точно в цель!», «Кашель и хрипота атакуют?», «Боль схватила за горло? Разожми ее железную хватку! Когда микробы атакуют, дай отпор!». В каждом из этих слоганов используется семейство военных метафор: болезнь – это враг, лечение – это борьба с врагом, лекарство – оружие. Так, служба фармацевтическому маркетингу, военная метафора превращает банальную перхоть в серьезного врага, требующего самых решительных действий для его уничтожения, а шампунь с добавлением препарата «Х» в мощное оружие, способное принести быструю победу. Из примера видно, как использование военных метафор для продвижения новых лекарств и технологий может создать искаженные представления об имеющихся опасностях и путях их преодоления, вызывать ажиотаж, привлекающий внимание, часто при этом невротизируя население и создавая напряженность.

Наконец, последние годы военная тема просматривается при обсуждении новых медико-биологических технологий. Исследователи наблюдают ее появление в СМИ, где публикуется информация о персонализированной медицине, новых цифровых, репродуктивных, генетических, нейротехнологиях.

Метафоры, используемые в СМИ при освещении технологии редактирования генома CRISPR, были проанализированы [O'Keefe et al. 2015], что ожидаемо установило широкое использование игры образов, связанных с операциями с ДНК как текстом: его считывают, из него вырезают куски, его улучшают и т. п. Менее ожидаемыми в этом контексте стали столь привычные для медицины военные метафоры. В частности, частое упоминание слова «мишень» вроде бы указывает на точность, надежность технологии, отсутствие рисков повредить ДНК. Естественно, на мишень нацеливаются, в нее бьют, а значит, где-то есть стрела, пуля или камень, которым ее поражают. Однако анализируя потенциальное воздействие этого метафорического ряда на немедицинскую аудиторию, авторы [O'Keefe et al. 2015] высказывают предположение о том, что этот военный символизм не столь желателен для тех, кто продвигает технологию, как кажется на первый взгляд: он создает впечатление не только надежности, но и опасности – ведь иногда снаряд может ударить и мимо цели, то есть риск ошибки возможен. Авторы заключают, что метафоры для рассказа о CRISPR еще не устоялись и некоторые из них создают искаженные представления об этой технологии, направляя обсуждение проблем в неправильное русло.

Еще одна новая технология, для рассказа о которой уже выбраны военные метафоры, – это генетические банки. Их создание прямо связывают с обеспечением «генетической безопасности», а учитывая, что они создаются в условиях конкуренции и жесткого политического противостояния, можно ожидать, что военная метафора и дальше будет доминировать в текстах на эту тему [Bleakley 2017].

Военная метафора так глубоко проникла в языковую картину медицинского мира, что используется даже в тех случаях, когда новая технология, даже при самом бурном воображении, не ассоциируется с противостоянием, борьбой, атаками и поражениями и т. п. К примеру, для представления общественности фекальной трансплантации по привычке применяют силовые метафоры – «сила флоры», «удар по кишечнику», «взлом кишечника», «плохие бактерии – злобные захватчики», «хорошие бактерии донора вытесняют злодеев». СМИ провозглашают новую битву – «битву за бактерии», успех в которой принесет фекальная трансплантация.

Теперь, убедившись в том, что военная метафора занимает прочные позиции в медицинском дискурсе, зададимся вопросом, в чем причины и каковы положительные и отрицательные стороны этого явления?

Причины широкого распространения и положительные стороны военной метафоры в медицинском дискурсе. Широкое использование военной метафоры в медицинском дискурсе обусловлено рядом причин, и первая из них – тысячелетняя история войн и медицины, в которой война и медицина были тесно связаны между собой. Собственно, медицина и зародилась на поле боя. Войну и медицину объединяет трагическое сходство. Кровь, гной, изуродованные человеческие тела, острые психозы – все это хорошо знакомые знаки войны, но также это и знаки болезни, одинаковые для всех времен и народов. Поэтому и военные, и морбиальные метафоры, отнесенные М. Осборном к числу архетипичных, столь широко используются в самых разных дискурсах, когда речь идет о боли и страданиях. Поэтому же неудивительно проникновение военной метафоры в медицинский дискурс и, наоборот, морбиальной – в военный. «Этот больной кричит, будто его рвут на части» – короткая аналогия, и уже не надо рассказывать, что больной кричит громко, душераздирающе, страшно и т. п. «Терроризм – это чума нашего времени» – после этих слов даже те, кто еще не осознал опасность терроризма, масштабов боли и страданий, которые он несет с собой, поймет это, зная о миллионах умерших от эпидемий чумы.

Военная метафора может без лишних слов создать яркий образ, отвечающий остроте ситуации. Она способна вызвать сильные чувства и мотивировать на решительные действия. В качестве выразительного примера, демонстрирующего это свойство военной метафоры, можно привести результаты ещё одного исследования [Scherer et al. 2015]. В нем изучали влияние метафор на результаты программ вакцинопрофилактики гриппа и показали, что яркое, метафорическое описание вируса гриппа, сравнение его со зверем и врагом в средствах поддержки принятия решений или информационных кампаниях может быть простым и экономически эффективным способом увеличения количества вакцинаций. Удачная военная метафора может поднять моральный дух пациентов и медицинского персонала, а также консолидировать общество на борьбу с болезнями, которая невозможна в одиночку, без концентрации власти и ресурсов.

Военная метафора может немного украсить непривлекательную картину медицинской действительности. А учитывая, что на войне случаются и высокие моменты (героические поступки, подвиги самопожертвования), а также что некоторые военные атрибуты, бесспорно, красивы (военная форма, парады), иногда военная метафора, примененная при описании непривлекательной медицинской ситуации, может ее облагородить. Вместо «Он умер от поноса, заразившись холерой», можно сказать: «Опасный враг, убивший тысячи людей, поразил и его...». Это очень важно, так как не каждый способен адекватно отреагировать на боль и отвращение, которые могут вызвать медицинские реалии.

Помимо отражения очевидного трагического сходства войны и болезни в ярких, но иногда и благородных образах, которые не могут оставить равнодушным, военная метафора помогает противопоставить здоровую природу человека его болезни, осмыслить медицинский мир как бинарный, состоящий из противоположностей, позволяя рассматривать болезнь как внешнюю сущность, от которой можно избавиться, которую можно удалить, вырезать, побороть или хотя бы договориться с ней. Это помогает больному человеку справиться со стрессом, вызванным болезнью. Он надеется на победу и полное уничтожение болезни, а пока этого не произошло, как бы отделяет ее от себя, отстраняется от своего собственного тела, пораженного патологическим процессом, наделяет его самостоятельной волей и характером: «ноги отказали», «голова не думает», «сердце расшалилось». Эта психологическая уловка помогает не отчаиваться, не впасть в уныние.

Осмысление болезни как отдельной самостоятельной сущности сыграло важную роль в развитии медицинской науки. Такой подход соответствует аналитическому методу познания, характерному для представителей западной цивилизации, основанному на дроблении целого на части и их рассмотрении в отдельности с последующей попыткой сопоставить эти, уже исследованные части и изучить природу их взаимодействия. Таковы, быть может, не все, но основные причины популярности военной метафоры в медицинском дискурсе. Однако пришло время обсудить ее отрицательное влияние – искажения, которые она вносит в языковую картину медицинского мира и следом за этим – в картину медицинского мира в нашем сознании, и последствия этих искажений.

Проблема искажений картины медицинского мира, осмысляемого с помощью военной метафоры. О негативной стороне военной метафоры писали многие авторы, изучающие метафоры в медицинском дискурсе [Annas 1995; Osborn 1967; Hodgkin 1985; Kirklin 2001; Fuks 2009; Nie et al. 2016; Bleakley 2017; Malm 2016 и др.]. Рассмотрим подробнее, какие нежелательные эффекты ее использования выделяют они в своих работах.

Итак, будучи растворенной в медицинском дискурсе, военная метафора способствует тому, что и больной, и врач в самом деле начинают чувствовать себя как на войне, где болезни атакуют тела больных, а врачи борются с ними при помощи оружия, предназначенного для их уничтожения, где лечение требует героизма, иногда и жертв, а в отделениях неотложной помощи врачи занимаются сортировкой больных, в операционных проводят инвазивные процедуры и т. д.

Как было отмечено выше, ощущение себя на войне оказывает исключительное мобилизующее действие и способно привести к успеху, особенно на коротких дистанциях борьбы с острыми инфекционными и паразитарными болезнями, травмами и острыми хирургическими заболеваниями, которые в большинстве имеют два исхода – выздоровление или смерть. Однако тут же возникает вопрос, полезна ли такая мобилизация, когда большинство болезней носят хронический характер и в принципе неизлечимы? От этих болезней нельзя избавиться краткосрочным напряжением всех сил, они могут годами ограничивать возможности больного, приносить ему страдания. Не приведет ли такая мобилизация к быстрому истощению ресурсов, необходимых для продолжения долгого и трудного пути? Ведь перед больным возникает сложная задача научиться годами жить со своей болезнью. Это должны быть годы мирной,

наполненной смыслом и по возможности даже счастливой жизни, что мало совместимо с мобилизующими призывами проявить мужество, соблюдать дисциплину, идти на жертвы ради победы. В этой ситуации такие призывы способны только травмировать, эмоционально подавлять больного. Требование жестко контролировать болезнь добавляет страхи нарушить эти требования, а отклоняющиеся показатели в дополнение ко всему вызывают еще и чувство вины.

Для усиления мобилизационного эффекта на войне нередко используется прием устрашения с помощью описания ужасов, которые станут явью в случае поражения. Ради такого мобилизационного эффекта военная метафора демонизирует болезнь как врага, указывая на его силу и коварство. В результате, по выражению Ф. Ницше, больной страдает от мыслей о болезни больше, чем от самой болезни. Возникает опасность, что метафора вызовет неадекватные страхи перед болезнью, больной может утратить веру в возможность перспектив, опустить руки, его поведение может носить деструктивный характер.

Страх перед болезнью, чрезмерное напряжение сил, гнетущее чувство вины дополняются утратой больным ощущения самоценности. В условиях войны («все для фронта, все для победы») с беспощадным врагом многое, что важно для нормального человека в мирной жизни, приносится в жертву. Личные интересы и потребности пациента игнорируются как не имеющие существенного значения для выздоровления. Осмысленная как отдельная сущность, представленная с помощью военной метафоры в качестве основного врага, болезнь полностью занимает внимание врача, он игнорирует пациента как не имеющего большого значения.

Часто задача установить точный диагноз становится важнее, чем облегчить страдание пациента. Врач сосредотачивается на «контроле болезни», а сам пациент, его переживания, даже его тело становятся лишними – врачу достаточно получить «объективные» сведения о болезни, зафиксированные в бланках анализов и протоколах различных исследований. Овеществленная болезнь вытесняет пациента из взаимоотношений с врачом, занимая его место. Рассказ пациента о его переживании болезни утрачивает свое значение для врача, из автора он превращается в наблюдателя. Пациент постепенно перестает быть субъектом отношений, а врач превращается в того, который в борьбе с врагом может манипулировать пациентом как объектом. Так отношения врача и пациента из субъект-субъектных превращаются в субъект-объектные, а потом, к сожалению,

и в объект-объектные, когда и врач, и пациент в глазах другого являются лишь средством для решения своих задач. Происходит окончательная деперсонализация больного и дегуманизация медицины в целом, когда «ради выздоровления» больные в отделениях реанимации лишаются личного пространства и интимности – они лежат раздетыми, часто привязанными, без перегородок, на виду у всех справляя личные нужды. Часами, сутками, имея возможность видеть перед собой только белые стены и потолок, они лишены общения с близкими даже по телефону. Попадая в больницу, больной часто лишается своего имени – его называют «больной» или вообще никак не называют, потому что с ним могут вообще не разговаривать, чтобы не отвлекаться от главного – выполнения лечебных мероприятий. Все это стигмы деперсонализации, которые сегодня можно наблюдать в большинстве отделений реанимации.

У больного, превратившегося в солдата на поле боя, есть командир – его врач, приказы которого он должен выполнять без лишних слов. Заметим, что медицинские сестры в данной ситуации играют роль старшин и сержантов – они выполняют приказы своих командиров-врачей и в свою очередь являются для пациентов не сестрами милосердия, а младшими командирами, которые тоже имеют право им приказывать. Больного лишают собственной воли. Даже в условиях, когда информированное добровольное согласие на медицинские вмешательства является обязательной процедурой, *de facto* больные пассивно, не разобравшись, следуют указаниям врача. Таким образом, военная метафора косвенно поддерживает сохранение патерналистических отношений врача и пациента, тормозя переход на равные отношения (договорные, партнерские, коллегиальные), которые предполагают уважение автономии пациента.

Война с врагом требует самых решительных действий. Желание «ничего не жалеть для победы» и «сделать все возможное» может подтолкнуть врачей, а вслед за ними и их пациентов к применению излишне радикальных методов диагностики и лечения. Исследование [Malm 2016] показало, что военная риторика может стать косвенной причиной гипердиагностики в онкологии. В лечении «военные действия» приводят к выбору наиболее агрессивных медицинских вмешательств, которые при «больших жертвах» часто имеют очень маленький шанс на получение пользы. Радикальные онкологические операции, избавляющие больного от болезни ценой утраты качества жизни, жесткие и мучительные химиотерапевтические схемы до последнего дня жизни, в прошлом практикуе-

мая лоботомия для лечения психических нарушений, устраняющая эти нарушения, но и превращающая человека в безвольное существо, – все это примеры такого подхода, когда ликвидация врага важнее качественной жизни «выжившего солдата»⁴. Человек, неся бремя своей болезни и обращаясь за медицинской помощью, очевидно нуждается не только в приказах и инструкциях; страдая не только от болезни, но и часто от агрессивных методов лечения, чувствуя, что собственных сил на борьбу не хватает, мучимый дурными предчувствиями и страхами, он нуждается в поддержке, успокоении, утешении. Особенно остро потребность в утешении ощущается на заключительных этапах болезни. Между тем с позиций военной метафоры прогрессирование болезни и смерть рассматриваются как недостаточная настойчивость, сдача позиций, проигрыш. Боец, который не проявил мужества и решимости, заслуживает скорее осуждения, чем жалости. Однако умирающий хочет, чтобы его успокоили, сказали ему, что он не будет страдать в момент ухода из жизни. Многие больные нуждаются в телесном контакте с близкими людьми в момент смерти. Они просят, чтобы их взяли за руку, положили руку на лоб, обняли и т. п. Военная метафора в этих условиях особенно неуместна.

Среди первых, кто ощутил неприемлемость военной метафоры для своих больных, были онкологи, которые обнаружили, что те из пациентов, которые рассматривают свою болезнь как «врага», демонстрируют более высокий уровень тревоги и депрессии, низкое качество жизни, высокий уровень боли и меньшую способность справляться с ситуацией, чем те, кто имеет более позитивные представления о своей болезни. Они убедились, что военная метафора создает дополнительный стресс, способный вызвать негативные психофизиологические изменения, ухудшающие течение основного заболевания [Degner et al. 2003].

Еще одним ярким примером того, насколько неуместна военная метафора для разговора о болезнях сегодняшнего дня, является ее использование при деменции. Жизнь с деменцией не может быть осмыслена как сражение с врагом. Медицина еще не научилась лечить дегенеративные болезни мозга, протекающие с деменцией, и потому проигрыш в этом сражении – вопрос времени. На ранних стадиях, пока больной способен вести беседы о своей болезни,

⁴ Кстати, с аналогичной ситуацией, связанной с осмыслением проблем с помощью военной метафоры, столкнулись и экологи: сообщения в прессе о природных катастрофах насквозь пронизаны метафорами войны и борьбы. При этом, встав на точку зрения военной метафоры, политики и экологи начинают искать военные же методы разрешения конфликта, и борьба с природными катаклизмами превращается в войну против природы.

разговор о борьбе с ней сведется к планированию, затем – констатации потерь, а на поздних стадиях больной уже не в состоянии «бороться» – его мышление не позволит ему сделать это. Между тем на всех этапах болезни он нуждается в долговременном уходе, любви и заботе, а здесь военная метафора не нужна. Военная метафора вообще противоречит интересам паллиативной помощи и ухода за больным [Daniel et al. 2016].

Появились неоднозначные данные об эффективности военной метафоры в профилактике. Так, [Hauser et al. 2015] экспериментально показано, что в одних случаях она привлекает внимание и мобилизует, а в других, напротив, «размагничивает» и заставляет опустить руки. Во время исследования изучалось влияние военной метафоры на участие в программах профилактики рака, оно показало необходимость осторожного использования военной метафоры в деле профилактики онкологических болезней.

До сих пор мы обсуждали отрицательное влияние военной метафоры на пациента. Однако на войне уязвимы не только солдаты. Будет неправильным игнорировать уязвимость командиров, особенно тех, кто воюет на передовой, – речь идет о врачах-ординаторах и медицинских сестрах, работающих у постели больного. Война – это жесткий мужской мир. Медицинские организации часто напоминают военный лагерь: иерархия, дисциплина, подчинение младших старшим, привычка сдерживать выражение своих эмоций и, как следствие, дистресс и эмоциональное выгорание. Врачи – представители профессии с самым высоким уровнем суицидов. Попыткой освободиться от отрицательных переживаний в условиях, когда нельзя «давать волю чувствам», является знаменитый медицинский цинизм, который можно рассматривать как своеобразную копинг-стратегию, так шокирующую немедицинскую общественность.

Помимо субъектов медицины, военная метафора в медицинском дискурсе имеет влияние на общество в целом. В очередной раз это стало ясно в период нынешней пандемии. Даже поверхностное знакомство с публикациями в СМИ позволяет убедиться в широком использовании военных метафор, если речь идет о COVID-19. По мнению многих, эти метафоры искажают действительность и, нагнетая обстановку, создают предпосылки для необоснованных ограничений свобод и нарушений прав человека. Военная метафора своими угрозами и требованием жертв пугает людей, повышая уровень тревожности и вызывая стрессовые реакции. Одно из следствий – снижение стандартов качества и безопасности медицинской

помощи. Ради выигрыша во времени сокращаются исследования безопасности новых лекарств и вакцин. Расширена практика использования препаратов «off-label». От медицинских работников и студентов-медиков требуют жертв, принуждая работать в условиях, не отвечающих требованиям охраны труда для «мирного времени». Действует логика «война все спишет». Впрочем, возможно, что время для окончательных выводов относительно обоснованности военной риторики в период пандемии еще не подошло.

В поисках новых метафор для медицинского дискурса. Перечисленные недостатки позволяют поставить вопрос об ограничении использования военных метафор в медицинском дискурсе. Эксперты предлагают три направления: исключить метафоры из медицинского дискурса; переосмыслить военные метафоры, придав им другой смысл; заменить военные метафоры, являющиеся метафорами силы, другими метафорами – гармонии, равновесия, жизни [Sontag 1990; Nie et al. 2016; Bleakley 2017 et al.].

Так, рассмотрение [Sontag 1990] болезни как метафоры (туберкулеза, рака, СПИДа), которая «разжигает воображение» и оказывает травмирующее действие на больных (то есть отмечается потенциальная опасность морбиальных и военных метафор), позволило предложить радикальный способ – вообще отказаться от их использования в медицинском дискурсе. Это крайняя точка зрения и по многим причинам неосуществимая. Иная позиция [Musolff 2017] связана с отказом видеть в метафоре неизменность прагматики. С этой позиции предложено [Musolff 2017] увидеть в ней живой организм, способный эволюционировать, то есть обладающий свойствами наследственности и изменчивости, благодаря которым метафора может наполняться новыми смыслами, вплоть до противоположных. Процесс переинтерпретации метафор в медицинском дискурсе можно проиллюстрировать на примере понятия «патернализм». По сути, это семейная метафора от слова «отец», которая позволяет понять взаимоотношения двух неравных сторон – врача и пациента, учителя и ученика, государства и гражданина [Горбулёва, Первушина 2020; Шульман, Кутузова 2020], уподобив эти отношения отношениям отца и сына. Раньше, когда отношения врача и пациента называли патерналистическими, то все понимали, что речь идет о заботливом отце, действующем в интересах сына, и почтительном сыне, доверяющем отцу и с благодарностью принимающем эту заботу. Однако, как известно, сильная сторона далеко не всегда заботится об интересах слабой, нередко она действует в своих интересах, подавляя волю слабого, заставляя

его принять заботу, которой он не хочет. И со временем, произнося то же слово, люди стали вкладывать в него противоположный смысл, делая упор не на заботу, а на подчинение, насилие, так что сегодня патернализм несет в себе отрицательную коннотацию. Аналогичный процесс переинтерпретации может произойти с военными метафорами, и они могут наполниться прямо противоположными идеями гармонии и равновесия. И здесь путь «указывают» [Bleakley 2017] мыслители Востока (в первую очередь Китая), для которых высшим принципом войны является победа без боя, а лучшее поддержание здоровья есть предупреждение болезни. Если мы не будем сравнивать лечение с ведением военных действий, то врачевание может рассматриваться не как победа над болезнью, а как поддержание здоровья. Наконец, наиболее осуществимая возможность смягчить медицинский дискурс – вообще отказаться от военных метафор в пользу метафор жизни. Как уже показано выше, среди архетипических метафор можно выделить две большие группы: метафоры единства, гармонии (путешествие, возделывание сада, танец) и метафоры, содержащие противопоставление, дихотомию (свет – тьма, верх – низ, война). Военная метафора – это выражение разделения и силы. В противоположность ей метафора гармонии подчеркивает идеи равновесия, сохранения, умиротворения, созерцания, мира, жизни.

Анализируя, как метафоры дискурса о спорах могут повлиять на наше восприятие споров и практику его ведения, Дж. Лакофф и М. Джонсон предлагают представить себе культуру, где спор ассоциируется не с войной, а, например, с танцем. Эта метафора рождает другую линейку образов для концептуализации спора – партнеры в танце, красивые танцевальные движения, ритм, гармония, взаимодействие. Такая метафора подойдет для китайского мышления, нацеленного на то, чтобы найти «золотую середину» («средний путь») между крайностями, и полагающего, что две стороны, которые находятся в споре друг с другом, могут быть правы каждая по-своему и что оба противоположных суждения могут содержать некоторую истину [Нисбетт и др. 2011, 60]. В споре-танце нет победителей и побежденных, в нем рождается общее мнение, обогащенное мнением каждой из сторон. Стиль восточного мышления допускает одновременное существование суждений А и не-А. Так, если метафора «спор-война», родившись из аналитических законов, характерных для западной культуры, требует победы, то представление о «споре-танце» родилось в восточной культуре, требующей своеобразного синтеза [Нисбетт и др. 2011, 60].

Метафору войны в медицинском дискурсе может потеснить метафора путешествия, способная указать на будущие перспективы, внушить оптимизм. Эта архетипическая метафора, выражающая общий для всех обществ опыт, – одна из самых распространенных. Мы используем ее ежедневно почти бессознательно («переходим к делу», «оказаться в тупике», «дело приняло неожиданный поворот» и т. д.). Она имеет универсальную привлекательность, миролюбива, ориентирована на будущее, открыта для позитивных возможностей.

Метафора пути [Reisfield, Wilson 2004] способна помочь пациенту с раком переосмыслить свою жизнь, она может подтолкнуть его к размышлениям о «подлинности его путешествия». Движение по скоростному шоссе, как правило, это всего лишь действие, чтобы добраться до какого-то будущего состояния, а не жизнь в настоящем. Однако жизнь-путешествие продолжается. Дороги могут быть ухабистыми и плохо освещенными, на них могут встречаться развилки, перекрестки, дорожные заграждения, развороты и объезды. Скорость, маршрут и пункты назначения могут меняться, иногда многократно. Дорога может оказаться не такой длинной, как предполагалось и т. п.

В рассматриваемом контексте интересен опыт врачей, которые, приехав в Африку для помощи больным со СПИДом, столкнулись с тем, что привычные военные метафоры с этими людьми не просто не работают, но производят обратный эффект [Tangwa 2010]. Это заставило их прислушаться к тому, что говорят о своей болезни сами африканцы, и они услышали удивительные метафоры жизни, гармонии, пути. «Несчастьям и болезням там придают высший духовный, метафизический смысл. По мнению африканцев, беды возникают из дисгармонии отношений, неприсоединения к племенному обычаю или нарушений табу. При этом болезнь рассматривается как часть жизни, которая должна быть принята, – с ней не следует воевать, как если бы она не имела права на существование. Целью лечения является не «ликвидация» или «истребление», а, скорее, диалог, в ходе которого можно уговорить болезнь оставить ее невинную жертву в покое» [Tangwa 2010, 58–59]. Говоря о жизни со СПИДом, африканцы широко используют метафоры путешествия: «он начал путешествие»; «он находится на автобусной остановке»; «он ждет посадки»; «он путешествует с болезнью», что помогает им принять их болезнь, которая проходит разные стадии по мере своего прогрессирования. Во время своего путешествия пациент может отклониться от намеченного пути или заблудиться,

однако утешение может быть найдено благодаря связям с другими путешественниками, идущими рядом.

Примером поиска гармоничной метафоры для новых технологий является опыт продвижения через СМИ фекальной трансплантации. Попытки использования военных метафор вроде «взлома кишечника», очевидно, оказались не очень удачными. Дальнейшие поиски привели к выбору экологической метафоры: «за кишечной флорой предлагают ухаживать как за прекрасным садом», и «люди смогут возделывать этот замечательный сад, который так влияет на наше здоровье и благополучие», и поэтому им нужны «советы по садоводству или диетические рекомендации». Поиски подходящих метафор продолжаются.

Обсуждение

Военная метафора не может исчезнуть из медицинского дискурса: она соответствует картине мира западного человека с его дуальным мышлением, позволяющим мыслить любое движение как единство и борьбу противоположностей, а также обеспечивает необходимый мобилизационный эффект в экстренных медицинских ситуациях. Без морального обоснования с помощью военной метафоры невозможен триаж (сортировка), когда врач решает, на кого не следует тратить ограниченные ресурсы, чтобы спасти наибольшее число больных и раненых.

Одновременно следует признать негативный эффект военной метафоры в медицинском дискурсе и, признав его, по возможности исключить ее использование в уходе, паллиативной медицине, ведении хронических прогрессирующих неизлечимых болезней и разумно ограничить в других областях медицины, оставив ей территорию экстренной медицины, опасных инфекций, чрезвычайных ситуаций. Но и там необходимо целенаправленно корректировать ее негативные стороны, стараясь, чтобы «лекарство не оказалось горше болезни». При этом было бы полезным обратить внимание на относительно новую тенденцию использования метафор мира, единства, равновесия, жизни таких, как путь, путешествие, возделывание сада, танец и т. п., снимающих излишнее напряжение и гармонизирующих языковую картину медицинского мира в сознании людей, через которую они воспринимают и концептуализируют свое существование в нем.

Заключение

Подводя итог сказанному, можно вернуться к названию статьи и заключить, что «вчера» военная метафора в медицинском дискурсе позволяла создать более или менее адекватную действитель-

ности языковую картину медицинского мира в сознании людей, «сегодня» она, не успевая за изменениями, происходящими в этой сфере, начинает вносить искажения, от которых страдают и пациенты, и медицинский персонал, а также общество в целом, и потому в «завтрашней перспективе», вероятнее всего, ее использование в медицинском дискурсе будет уменьшаться, уступая место метафорам мира, единства и гармонии.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Борисов и др. 2019 – Борисов Е. В., Ладов В. А., Мелик-Гайказян И. В., Найман Е. А., Суворцев В. А., Юрьев Р. А. Проблемы современной философии языка. Томск, 2019. 200 с.
- Горбулёва и др. 2020 – Горбулёва М. С., Мелик-Гайказян И. В., Первушина Н. А. Инициативы педагогической биоэтики // Высшее образование в России. 2020. Т. 29. № 6. С. 122–128.
- Горбулёва, Первушина 2020 – Горбулёва М. С., Первушина Н. А. Биоэтическое измерение социального запроса на креативное образование // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 58. С. 278–282.
- Донских 2015 – Донских О. А. Метафора как способ смены координат // ПРАЕНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2015. № 1. С. 29–35.
- Князева 2014 – Князева Е. Н. Познание как смыслопорождающая деятельность: на перекрёстке биосемиотики и когнитивной науки // ПРАЕНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2014. № 2. С. 26–44.
- Кондратьева 2011 – Кондратьева О. Н. Милитарная метафора и ее роль в концептуализации внутреннего мира человека (на материале Древней Руси) // Вестник военного университета. 2011. № 2 (26). С. 54–57.
- Лакофф, Джонсон 2004 – Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. А. Н. Баранова, под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. 2 изд. М.: Эдиториал УРСС, 2004. 256 с.
- Нисбетт и др. 2011 – Нисбетт Р., Пенг К., Чои И., Норензаян А. Когнитивная психология и системы мышления: сравнение холистического и аналитического познания // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 1. С. 55–86.
- Ортега-и-Гассет 1990 – Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры. К двухсотлетию со дня рождения Канта // Теория метафоры. М., 1990. С. 68–81.

- Тищенко, Юдин 2015 – *Тищенко П. Д., Юдин Б. Г.* Звездный час философии // Вопросы философии. 2015. № 12. С. 198–203.
- Шульман, Кутузова 2020 – *Шульман Е. М., Кутузова А. А.* Изменение запроса на образование как отражение трансформации социальной нормы // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 58. С. 293–296.
- Annas 1995 – *Annas G. J.* Reframing the debate on health care reform by replacing our metaphors // *The New England Journal of Medicine*. 1995. Vol. 332. № 11. pp. 744–748.
- Bleakley 2017 – *Bleakley A.* Thinking with Metaphors in Medicine: The State of the Art. Routledge; London, UK, 2017. 270 p.
- Bleakley et al. 2014 – *Bleakley A., Marshall R., Levine D.* He drove forward with a yell: anger in medicine and Homer // *Medical Humanities*. 2014. Vol. 40. № 1. pp. 22–30.
- Degner L. F. et al. 2003 – *Degner L. F., Hack T., O’Neil J., Kristjanson L. J.* A new approach to eliciting meaning in the context of breast cancer // *Cancer nursing*. 2003. 26 (3). pp. 169–178.
- Donne 1941 – *Donne J.* Death’s Duel. *The Complete Poetry and Selected Prose of John Donne*. N.Y., 1941. P. 390–427. URL: <http://www.upword.com/donne/deaths-duel.html> (дата обращения: 01.10.2020)
- Fuks 2009 – *Fuks A.* The Military Metaphors of Modern Medicine. In: *The Meaning Management Challenge: Making Sense of Health, Illness, and Disease*. Inter-Disciplinary Press, 2009. pp. 57–68.
- George et al. 2016 – *George D. R., Whitehouse E. R., Whitehouse P. J.* Asking more of our metaphors: narrative strategies to end the “war on Alzheimer’s” and humanize cognitive aging // *The American Journal of Bioethics*. 2016. Vol. 16. № 10. P. 22–24.
- Hauser, Schwarz 2015 – *Hauser D. J., Schwarz N.* The war on prevention: Bellicose cancer metaphors hurt (some) prevention intentions // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2015. Vol. 41. № 1. pp. 66–77.
- Hodgkin 1985 – *Hodgkin P.* Medicine is war: and other medical metaphors // *British medical journal (Clinical research ed.)*. 1985. T. 291. № 6511. pp. 1820–1821.
- Kirclin 2001 – *Kirclin D.* Metaphors for medicine: revealing reflections or just popular parodies? // *Medical humanities*. 2001. Vol. 27. № 2. P. 89.
- Lane et al. 2013 – *Lane H. P., McLachlan S. A., Philip J.* The war against dementia: are we battle weary yet? // *Age and ageing*. 2013. Vol. 42. № 3. P. 281–283.
- Lerner 2001 – *Lerner B. H.* *The Breast Cancer Wars: Fear, Hope, and the Pursuit of a Cure in Twentieth-Century America*. Oxford: Oxford University Press; 2001. 383 p.

- Malm 2016 – *Malm H.* Military metaphors and their contribution to the problems of overdiagnosis and overtreatment in the “war” against cancer // *The American Journal of Bioethics*. 2016. Vol. 16. № 10. pp. 19–21.
- Musolff 2016 – *Musolff A.* Political Metaphor Analysis: discourse and scenarios. London: Bloomsbury Academic, 2016. 194 p.
- Nie et al. 2016 – *Nie J. B., Gilbertson A., de Roubaix M., Staunton C., van Niekerk A., Tucker J. D., Rennie S.* Healing without waging war: beyond military metaphors in medicine and HIV cure research // *The American Journal of Bioethics*. 2016. Vol. 16. № 10. pp. 3–11.
- O’Keefe M. et al. 2015 – *O’Keefe M., Perrault S., Halpern J., Ikemoto L., Yarborough M., & UC North Bioethics Collaboratory for Life & Health Sciences.* Editing genes: A case study about how language matters in bioethics // *The American journal of bioethics*. 2015. Vol. 15. № 12. P. 3–10.
- Osborn 1967 – *Osborn M.* Archetypal metaphor in rhetoric: The light-dark family // *Quarterly journal of speech*. 1967. Vol. 53. № 2. P. 115–126.
- Reisfield, Wilson 2004 – *Reisfield G. M., Wilson G. R.* Use of metaphor in the discourse on cancer // *Journal of clinical oncology*. 2004. Vol. 22. № 19. P. 4024–4027.
- Scherer et al. 2015 – *Scherer A. M., Scherer L. D., Fagerlin A.* Getting ahead of illness: using metaphors to influence medical decision making // *Medical Decision Making*. 2015. Vol. 35. № 1. pp. 37–45.
- Sontag 1990 – *Sontag S.* *Illness as Metaphor and AIDS and Its Metaphors*. New York: Anchor; 1990.
- Tangwa 2010 – *Tangwa G. B.* *Elements of African bioethics in a Western frame*. African Books Collective, 2010. 210 p.

Материал поступил в редакцию 01.10.2020

Материал поступил в редакцию после рецензирования 02.03.2021